

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.581'373.6+811.161.1'373.6
ББК Ш171.1-323+Ш141.12-323

ГРНТИ 16.21.25

Код ВАК 5.9.8

Цзюй Хайна¹✉, Любовь Леонидовна Крючкова²✉

¹ Чжэцзянский океанический университет, Чжоушань, Китай, 509871631@qq.com✉

² Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия, llrr@mail.ru✉, SPIN-код: 8878-3876

У истоков слова хунхуз

АННОТАЦИЯ. Хунхузы — члены организованных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), а также на прилегающих территориях российского Дальнего Востока, Кореи и Монголии во второй половине XIX века до победы народной революции в Китае в 1949 году. Существовало множество объяснений происхождения слова, но его история оставалась не до конца исследованной. С привлечением китайских источников, и в частности, труда Сюй Кэ, нам удалось установить, что слово **рыжий** (красный) появилось под влиянием фольклорного персонажа уйгуров «Рыжая борода» (红胡子), до сих пор фигурирующего в театральных постановках. Рыжая борода — это мифологический антигерой, олицетворяющий разрушительные силы природы. Образ возник в XV–XVIII веках, когда кочевые племена сталкивались с набегами разбойников и суровыми условиями жизни в степях. Образ многозначен, и в фольклоре мог служить олицетворением степного урагана. Слово хунхузы — транслитерация маньчжурского хунхуцзы («краснобородые»), которая пришла через маньчжурские хроники как китайский собирательный образ (红胡子 / hóng hú zi) для северных кочевников. Рыжебородыми, как можно предположить, стали называть и бандитов, действовавших на территориях российского Дальнего Востока, Кореи и Монголии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этимология, лексикография, китайские источники, заимствование слов, разбойничество, хунхуз, транслитерация, история русского языка, история китайского языка, лексикология русского языка, лексикология китайского языка.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Цзюй Хайна, кандидат филологических наук, Чжэцзянский океанический университет, Чжоушань, провинция Чжэцзян, Китай, email: 509871631@qq.com.

Крючкова Любовь Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент, Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия, email: llrr@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Цзюй, Х. У истоков слова хунхуз / Цзюй Хайна, Л. Л. Крючкова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 207-212.

Ju Haina¹✉, Lyubov' L. Kryuchkova²✉

¹ Zhejiang Ocean University, Zhoushan, China, 509871631@qq.com✉

² Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia, llrr@mail.ru✉, SPIN code: 8878-3876

Tracing the Origins of the Word “Khunkhuz”

ABSTRACT. The Khunkhuz were members of organized gangs that operated in Northeast China (Manchuria) as well as in adjacent territories of the Russian Far East, Korea, and Mongolia from the second half of the 19th century until the victory of the people's revolution in China in 1949. Numerous explanations of the origin of the term have existed, yet its history remained incompletely studied. By drawing on Chinese sources, and specifically the work by Xu Ke, the authors have found that the term “red/ginger-haired” emerged under the influence of the Uyghur folklore character “Red Beard” (红胡子). Red Beard is a mythological anti-hero embodying the devastating forces of nature. The image originated in the 15th-18th centuries, when nomadic tribes faced robber raids and harsh living conditions in the steppes. The image is multifaceted, and in folklore it could serve as the personification of a steppe hurricane. The term khunkhuz is a transliteration from the Manchu khunkhutsi – “red-bearded” – which originated through Manchu chronicles as a Chinese collective image (红胡子 hóng hú zi) for northern nomads. It can be inferred that the term “red-bearded” also came to refer to bandits operating in the territories of the Russian Far East, Korea, and Mongolia.

KEYWORDS: etymology, lexicography, Chinese sources, word borrowing, robbery, khunkhuz, transliteration, History of the Russian language, History of the Chinese language, Russian lexicology, Chinese lexicology.

AUTHOR'S INFORMATION: Ju Haina, Zhejiang Ocean University, Zhoushan, Zhejiang Province, China.

Kryuchkova Lyubov' Leonidovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia.

FOR CITATION: Ju Haina, Kryuchkova L. L. (2026). Tracing the Origins of the Word “Khunkhuz”. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 207-212. (In Russ.).

В русском языке имеется слово **хунхузы**, которое считается заимствованием из китайского языка.

В словарях русского литературного языка оно дается в значении: «**хунхузы** — члены организованных банд, действовавших в Се-

© Цзюй Хайна, Крючкова Л. Л., 2026

веро-Восточном Китае (Маньчжурии), а также на прилегающих территориях российского Дальнего Востока, Кореи и Монголии во второй половине XIX века до победы народной революции в Китае в 1949 году» [МАС 1999 : т. 4, с. 631].

В диалектных словарях имеются его варианты формы. Например, в «Словаре русских говоров Приамурья» *фанфуз*, *фунфуз* — ‘разбойник, грабитель, хунхуз’ [АС-2: с. 476]. В «Словаре русских диалектов Сибири» А. Е. Аникина отмечены и иные значения: ‘профессиональный китайский разбойник’, ‘хунгузские банды’, ‘как ругательство: хунгус ты проклятый’ [Аникин 2000: 627].

В работе Ши Ся [Ши Ся 2007] почему-то слово *хунхуз* названо экстремистским, хотя разбойничество как социальное явление было известно у многих народов. Достаточно вспомнить башибузуков, которые были солдатами нерегулярных конных частей турецкого войска, существовавших в XVIII и XIX вв., а впоследствии за ненадобностью службы превратились в разбойников, головорезов [МАС: т. 1, с. 66]; или волжских ушкунников — вольных людей, членов вооруженной дружины, которая снаряжалась новгородскими боярами и купцами (в XIV—XV вв.) для набегов и торгового промысла на Волге и Каме [МАС: т. 4, с. 545], а впоследствии ставших обыкновенными разбойниками; или мехачинов — разбойников, грабителей, головорезов, известных на территории Бурятии в XVII веке [Аникин 2000: 386].

Если история названных нами слов не вызывает сомнений (она описана в этимологических словарях), то этимология слова *хунхуз*, традиционно считающегося заимствованием из китайского языка, требует уточнений, несмотря на то что в русской истории и этнографии существует достаточно много работ, освещающих такое явление, как *хунхузничество* [см., например: Г. Т. Муров 1901; М. А. Соковнин 1903; В. Н. Кондратьев 1908; В. К. Арсеньев 1914; Г. А. Сухачева 1992, 2008; Д. В. Ершов 2010 и др.].

В значении ‘борода, усы’ оно вошло в «Этимологический словарь русских диалектов Сибири» А. Е. Аникина: «кит. *хунхуцзы* ‘хунхуз’, ср. *хуцзы* ‘борода, усы’ [Аникин 2000: 627]. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера слово *хунхуз* объясняется как заимствование из китайского языка «*hung-hu-tzu* буквально ‘краснобородый’» [Фасмер 2003: 4, 284].

Цель данной статьи — сделать исторический, культурологический комментарий с привлечением китайских источников, чтобы

внести некоторые уточнения в историю слова *хунхуз*.

Китайский исследователь истории «разбойничества» в Китае Сюй Кэ писал, что деятельность хунхузов впервые упоминается в период правления императора Сяньфэна (1851—1861) в приграничных районах Северо-Востока. Активная фаза пришлась на годы правления Гуансюя (1875—1908), особенно после Японско-китайской войны (1894). Появление хунхузов связано с отменой цинской политики «запретных территорий» и резким увеличением миграции из внутренних районов Китая. Пик активности пришелся на период Русско-японской войны 1904—1905 годов. Окончательно с хунхузами было покончено в 1947 году после китайской революции [Сюй Кэ 1916: 112].

Слово *хунхуз* употреблялось как узкоспециальный термин как для маньчжурских/китайских повстанцев периода Цин, так и для участников «боксерского восстания» и даже для антияпонских партизан (в некоторых контекстах).

Хунхузы были настоящим бедствием для Приморского края, о чем писал этнограф, географ-краевед, путешественник и натуралист, писатель, всю свою жизнь посвятивший изучению Дальнего Востока, В. К. Арсеньев: «Не будет преувеличением утверждать, что на территории Российской империи любимым местом хунхузов всегда был Уссурийский край» <...> «Неся с собою смерть и ужас, шайки их бродят повсюду, нападая то на русские, то на китайские поселения. Везде, где околонизовались манзы (название китайцев в Приморье и в Уссурийском крае — Ц. Х., Л. К.), есть хунхузы, и — чем больше китайцев, тем больше хунхузов!» [Арсеньев 1914: 155]. Точное время их появления в Приморском крае установить трудно. Известно, что 1906 и 1907 годы были особенно беспокойными. Китайских разбойников в Уссурийском крае В. К. Арсеньев делил на две категории: 1) хунхузские шайки, приходящие из Маньчжурии, и 2) местные хунхузы [Арсеньев 2014: 154—155]. Их подерживало местное население: тех, кто выдал хунхуза, ждала мучительная смерть от руки мстителя. На территории российского Дальнего Востока хунхузы гораздо охотнее нападали на своих соотечественников и представителей малых народов. Но и русское население Приамурья и Приморья также не было застраховано от хунхузских набегов [см.: Арсеньев 1914: 160—164].

Одни считали их «страшными китайскими разбойниками» [Ершов 2010: 4], другие — вполне благородными, смелыми, организованными. Вот что о них писал военный офи-

цер, служивший в конце XIX века в Северо-Восточном Китае (в Маньчжурии), В. Н. Кондратьев: «По характеру это активные, смелые люди. Основной закон взаимоотношений — закон дружбы. Они отличались строгой организованностью: у каждой группы был свой начальник.

Честно говоря, я не знаю, хорошие они или плохие. Потому что есть фильмы, в которых их показывают хорошими людьми. Хотя они жили грабежом, но деньги брали для жизни у плохих людей. Они даже создали свою армию, которая в китайско-японской войне оказывала помощь народу» [Кондратьев 1908].

Как видим, известно приблизительное время появления хунхузов и территория их обитания. Каково же происхождение слова хунхуз? Общеизвестно, что в переводе на русский язык оно означает «краснобородые». О том, что хунхузы — это краснобородые, писал и В. К. Арсеньев. Краснобородыми их называл русский офицер, пять лет проживший на юге Маньчжурии, В. Н. Кондратьев, но приводил китайское словосочетание *tǔ fēi/qiáng dào* [Кондратьев 1908], что в дословном переводе означает следующее: *tǔ fēi* — *tǔ* (земля/местный), *fēi* (бандит)/или / *qiáng dào* — *qiáng* (сильный/насильственный), *dào* — вор/грабитель), то есть «местный бандит»/или «сильный вор/грабитель».

Ши Ся, почему-то со ссылкой на Ю. С. Уфимцева, а не на китайские источники, подтверждает, что «хунхузы (от китайского *hóng hú zi* — «красная борода»)» [Ши Ся 2007: 16]. «В буквальном переводе — „хунхузы“ означает „красно-“ или „рыжебородые“, где 红 — это „красный“, а 胡子 — „борода“» [Алексеев 2020: 113]. В. Д. Ершов считал, что искаженное китайское словосочетание *хун хуцзы* в буквальном переводе на русский означает «красная борода» или «краснобородый» [Ершов 2009: 4].

Казалось бы, вопрос исчерпан. Разночтения в заимствовании слова из китайского языка отсутствуют.

Но у В. Д. Ершова есть замечание-вопрос-недоумение: «...под „красным“ в данном случае подразумевается цвет рыжих человеческих волос». Если это так, то почему-то «с первых лет своего знакомства с китайскими разбойниками русские не переставали удивляться необычности этого прозвища. Действительно, трудно себе представить что-либо менее соответствующее облику китайца, чем рыжая борода» [Ершов 2010: 5].

На этот вопрос автор попробовал найти ответ: «Одни историки считают, что некогда китайские разбойники, отправляясь „на дело“, прицепляли к подбородку фальшивые

бороды из пакли или волоса, выкрашенного в красный цвет. Маскируя внешность разбойника, такая борода одновременно помогала напугать жертву. Прообразом этого бандитского „аксессуара“ были фальшивые бороды, использовавшиеся в представлениях традиционного китайского театра. По другой версии, хунхузы обязаны своим прозвищем... иностранцам, и прежде всего русским». Это объяснение сделано со ссылкой на очеркиста Г. Мурова, в 1901 г. объехавшего тихоокеанские окраины России и описавшего свои странствия в книге «Люди и нравы Дальнего Востока»: «У китайцев не могло быть этого внешнего признака. У соседних с Китаем народов монгольской расы — тоже. Исключение составляют только наши русские, разные искатели приключений и легкой наживы, да английские авантюристы (те и другие — со светло-русыми и рыжими бородами), в течение многих десятков лет свирепствовавшие на обширной границе Китая, отнимая у него область за областью и уничтожая сотни сынов его. В течение этих лет выражение „красная борода“ в приложении к „лихому“ иноземцу становится общепотребительным, а затем начинает применяться китайцами не к одним иноземным, но и к своим, китайским разбойникам» [Ершов 2010: 8].

Вряд ли эти объяснения можно считать правдоподобными. В них больше фантазии, чем правды. Другие объяснения не менее курьезны. Например, М. А. Соковнин, служивший с 1901 г. в должности российского военного комиссара в Хэйлунцзянской, а с 1907 г. — в Гиринской провинции Маньчжурии и не понаслышке знавший о хунхузах, происхождение слова объяснял так: «В старину китайские разбойники, чтобы замаскировать свое лицо и уstrasить своим видом купцов и мирных поселян, прицепляли к подбородкам искусственные большие, красные бороды; отсюда и получилось название „хунхуз“. Эти красные бороды в настоящее время можно видеть у разбойников лишь на театральных подмостках» (не эту ли историю использовал В. Д. Ершов? — Ц. Х., Л. К.). Он же отмечал, что «в официальной переписке слово „хунхуз“ не употребляется, взамен его пишется: „ху-фэй“ или „фэй-цзэй“, то же и в разговорной речи, особенно среди чиновничества» [Соковнин 1903: 194].

Действительно, Г. А. Сухачева, исследовавшая историю хунхузов, привела ряд терминов, использовавшихся в официальных китайских документах для обозначения разбойников: *хуфэй* (кит. 胡匪, пиньинь *hú fēi* — «северные разбойники»), *даофэй* (кит. 盜匪, упрощенный 盜匪, пиньинь *dàofēi* —

«воры»), *туфэй* (кит. 土匪, пиньинь *tǔ fěi* — «бандиты»), *мацэй* (кит. трад. 馬賊, упрощенный 马贼, пиньинь *mǎ zéi* — «конные разбойники») [Сухачева 1992 : 92–102]. Добавим к данным словам и слово *фэй-цзеи* (匪贼), отсутствующее в ее работе, — это обобщающий термин для обозначения разбойников, мятежников [Большой словарь китайского языка 1992: т. 9, с. 1085].

Еще одно объяснение происхождения слова *хунхуз* предложено У Цяо, который приводит свидетельство китайского чиновника, служившего в современном Чанчуне в начале XX века: «Местные удалыцы когда-то любили украшать свои ружья красными шнурами и кистями. Когда целились — зажимали шнур в зубах, чтобы не мешал. Исдали казалось, что у стрелка красные усы и борода» [У Цяо 1990].

Как видим, история слова *хунхуз*, несмотря на его известность, обрастала совершенно невероятными деталями, став частью народного культурного сознания. Но, увы, их нельзя считать научными. Только привлечение китайских источников может пролить свет на историю происхождения слова.

По нашему мнению, серьезный труд представляет исследование Сюй Кэ «Сборник исторических дневников „Цин бай лэй чао. Разбойники. Хузы“» (1916), в котором приводятся сведения о том, что первоначальное значение слова *хузы* (胡子) — «борода». Люди начали употреблять это слово в значении «разбойники» во времена династии Мин (с 1368 по 1644 г.), когда северные национальные меньшинства уже назывались людьми «ху». Слово *ху* возникло еще раньше, в эпоху первой императорской династии Цинь (221 в. до н. э. — 206 в. до н. э.), о чем засвидетельствовано в известной книге этого времени «Анналы шести стран»: «<...> на севере строили великую стену, чтобы защищать себя от нашествия людей „ху“». К северным национальным меньшинствам принадлежали кочевники гунны, тюрки и другие народы.

Слово *рыжий (красный)*, по мнению Сю Кай, появилось под влиянием фольклорного персонажа уйгуров «Рыжая борода» (红胡子). Рыжая борода — это мифологический антигерой, олицетворяющий разрушительные силы природы. Согласно «Цин бай лэй чао», этот образ возник в XV–XVIII веках, когда кочевые племена сталкивались с набегами разбойников и суровыми условиями жизни в степях. Стоит заметить, что образ рыжей бороды многозначен: например, в сказании «Рыжая борода и пастух» он — олицетворение степного урагана. Пример: «Когда его

борода краснеет — начинается засуха» [Сюй Кэ 1916: 89].

Уйгурское слово *рыжебородые* — *кизил сагал* (*qizil saqal*), по мнению Сюй Кэ, было воспринято многими народами. Так, Сюй Кэ приводит исторический факт: «В XIX веке уйгуры называли „рыжебородыми“ бандитов, грабивших караваны» [Сюй Кэ 1916: 112]. Сегодня образ используется в театральных постановках (например, спектакль «Тень рыжей бороды» в г. Чжанье). Рыжебородыми, как можно предположить, стали называть и бандитов, действовавших на территориях российского Дальнего Востока, Кореи и Монголии: в позднемонгольском языке сохранились слова *xungxuža* «разбойник», *хуижа* «борода» [Аникин 2000: 627]. А. Е. Аникин не исключает возможности заимствования слова русскими через посредство тунгусо-маньчжурских языков (например, через нанайский язык, где *хунхусэ* употреблялось в значении «разбойник, хунхуз»), но данное предположение следует исключить, приняв точку зрения Сюй Кэ, который доказал, что термин *рыжебородые* возник как китайский собирательный образ (红胡子 — *hóng hú zi*) для северных кочевников через маньчжурские хроники или архивы (например, «满文老档» — *mǎn wén lǎo dǎng*, собрание официальных документов раннего периода династии Цин (начало XVII века), записанных на староманьчжурском языке). По его мнению, слово *хунхузы* — транслитерация от маньчжурского *хунхуцзы* — «краснобородые». Прямой перевод (红胡子), или сокращенная транслитерация — *хузы* — «разбойники» [Сюй Кэ 1916: 112]. И с этим объяснением трудно не согласиться.

Таким образом, слово *хунхузы* появилось под влиянием уйгурского эпоса, в котором был мифологический антигерой Рыжая борода. Термин *рыжебородые*, согласно Сю Кай, возник как китайский собирательный образ (红胡子 — *hóng hú zi*) для северных кочевников через маньчжурские хроники. Следовательно, истоки слова следует искать в маньчжурском языке. В китайском языке *хунхузы* — транслитерация от маньчжурского *хунхуцзы* — «краснобородые», которыми стали называть членов организованных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии).

ИСТОЧНИКИ

1. Аникин, А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири / А. Е. Аникин. — Москва : Новосибирск : Наука, 2000. — 768 с.
2. МАС = Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньев. — 4-е изд., стер. — Москва : Русский язык, 1999.
3. Муров, Г. Т. Люди и нравы Дальнего Востока: от Владивостока до Хабаровска : (Путевой дневник) / Г. Т. Муров. —

Томск : паровая типо-лит. П. И. Макушина, 1901. — 161 с.

4. Словарь русских говоров Приамурья / О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин, Н. П. Шенкевец. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2007. — 544 с. — (АС-2).

5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. Н. А. Трубачева. — 4-е изд., стереотип. — Москва : Астрель : АСТ, 2003. — 860 с.

6. Сюй, Кэ. Сборник исторических дневников «Цин бай лэй чао. Разбойники. Хузы» / Сюй Кэ. — Шанхай : Шан У, 1916.

7. 《汉语大词典》(第9卷) [Z]. 上海 : 上海辞书出版社, 1992: 1450. = Большой словарь китайского языка. Т. 9. — Шанхай : Издательство лексикографической литературы, 1992. 1450 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арсеньев, В. К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический / В. К. Арсеньев. — Хабаровск : Тип. канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1914. — 204 с. — (Записки Приамурского отдела императорского Русского географического общества ; т. 10, вып. 1).

2. Дун, Ч. Адаптация китайских заимствований в речи россиян / Ч. Дун, С. Л. Савилова // Международное образование и межкультурная коммуникация: проблемы, поиски, решения : сборник трудов IV Междунар. науч. конф. (Томск, 26–27 окт. 2016 г.) / Томский политехнический университет. — Томск : Дельтаплан, 2016. — С. 116–119. — EDN XYDCLV.

3. Ершов, Д. В. Хунхузы. Необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке / Д. В. Ершов. — Москва : Центрполиграф, 2010. — 280 с. — ISBN 978-5-9524-4111-8.

4. Колмакова, В. В. Лексико-семантическая адаптация китайских заимствований в русском языке / В. В. Колмакова, П. Ю. Селезнева // Молодой исследователь Дона. — 2024. — Т. 9, № 3 (48). — С. 101–104. — EDN JVSPGY.

5. Кондратьев, В. Н. Современный Китай / В. Н. Кондратьев. — Благовещенск : Кн. маг. Бутряков, 1908. — 43 с.

6. Крысин, Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). — Москва : Языки русской культуры, 1996. — С. 142–161. — EDN SIOENH.

7. Крысин, Л. П. Этапы освоения иноязычного слова / Л. П. Крысин // Русский язык в школе. — 1991. — № 2. — С. 74–78. — EDN PZQSPF.

8. Линь, Г. Хунхуз в литературной рецепции / Г. Линь, Н. М. Солнцева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. — 2020. — Т. 25, № 1. — С. 82–90. — DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-82-90. — EDN GFAIMF.

9. Меряшкина, Е. В. Образ хунхуза в прозе писателей дальневосточного зарубежья / Е. В. Меряшкина // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2014. — № 4-3 (60). — С. 175–180. — EDN TELNQV.

10. Прошина, З. Г. Восточноазиатские заимствования в русском языке: лексикографический аспект / З. Г. Прошина // Русский язык в современном мире: настоящее и будущее : сборник статей / отв. ред., ред.-составитель М. Б. Раренко. — Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. — С. 109–124. — DOI 10.31249/ruslang/2021.00.07. — EDN KSPXNC.

11. Соковнин, М. А. Хунхузы Маньчжурии / М. А. Соковнин // Военный сборник. — Санкт-Петербург, 1903. — № 12. — С. 194–218.

12. Сухачева, Г. А. «Бич страны». Хунхузы в Маньчжурии и Приморье в 20-е гг. XX в. / Г. А. Сухачева // Россия и АТР. — 1992. — № 1. — С. 92–102. — EDN REMNBB.

13. Сухачева, Г. А. Борьба с хунхузничеством в Маньчжурии в конце XIX — первой трети XX в. / Г. А. Сухачева // Россия и АТР. — 2008. — № 4(62). — С. 104–112. — EDN KNTZED.

14. Ши, Ся. «Хунхузы» и «хунвэйбины»: история двух китаизмов в русском языке / Ши Ся // Современные гуманитарные исследования. — 2007. — № 5 (18). — С. 153–157. — EDN JUEKYH.

15. 吴樵. 《宽城随笔》[M]. 再版. 长春: 吉林省图书馆, 1990: 68. = У Цяо. Куаньчэн суйби (Очерки Куаньчэнцзы) / У Цяо. —

Репринтное изд. — Чанчунь : Библиотека провинции Цзилинь, 1990. — 68 с.

MATERIALS

1. Anikin, A. E. (2000). Etymological Dictionary of Russian Dialects of Siberia. Moscow; Novosibirsk: Nauka, 768 p.

2. Evgenieva, A. P. (ed.) (1999). MAS = Dictionary of the Russian language. In 4 volumes 4th ed., ster. Moscow: Russian language.

3. Murov, G. T. (1901). *People and Customs of the Far East: From Vladivostok to Khabarovsk (A Travel Diary)*. Tomsk: P. I. Makushin Steam Typographic Lithography, 161 p.

4. Galuza, O. Yu., Ivanova, F. P., Kirpikova, L. V., Putyatina, L. F., Shenkevets, N. P. (2007). Dictionary of Russian Dialects of Priamurye. 2nd ed., rev. and suppl. Blagoveshchensk: BSPU Publishing House, 544 p. (AS-2).

5. Fasmer, M. (2003). Etymological Dictionary of the Russian Language. Vol. 4 (Trans. from German and suppl. by N. A. Trubachev). 4th ed., stereotype. Moscow: Astrel Publishing House, AST Publishing House LLC, 860 p.

6. Xu, Ke (1916). Collection of Historical Diaries “Qing Bai Lei Chao. Bandits. Huzi”. Shang hai: Shang Wu Publishing House.

7. Han yu da ci dian = Great Chinese Dictionary (1992). Vol. 9. Shang hai: Shang hai Lexicographical Publishing House, 1450 p.

REFERENCES

1. Arsenyev, V. K. (1914). Kitaytsy v Ussuriyskom krae. Ocherk istoriko-ethnograficheskiy = *The Chinese in the Ussuri Region: A Historical-Ethnographic Essay (Notes of the Priamurye Department of the Imperial Russian Geographical Society)*. Khabarovsk: Printing Office of the Priamurye Governor-General's Chancellery, 204 p.

2. Dong, Ch., Savilova, S. L. (2016). Adaptatsiya kitayskikh zaимstvovaniy v rechi rossiyan = Adaptation of Chinese Borrowings in the Speech of Russians. *International Education and Intercultural Communication: Problems, Searches, Solutions. Proceedings of the IV Int. Scientific Conf. (Tomsk, October 26–27, 2016)*, 116–119. Tomsk: Del'taplan. EDN XYDCLV.

3. Yershov, D. V. (2010). Khunkhuzy. Neob'yavlenaya voy-na. Ehtnicheskii banditizm na Dal'nem Vostoke = *Khunkhuzy: The Undeclared War. Ethnic Banditry in the Far East*. Moscow: Tsentrpoligraf, 280 p.

4. Kolmakova, V. V., Selezneva, P. Yu. (2024). Leksiko-semanticheskaya adaptatsiya kitayskikh zaимstvovaniy v russkom yazyke = Lexical and Semantic Adaptation of Chinese Borrowings in the Russian Language. *Young Researcher of the Don*, 9(3[48]), 101–104. EDN JVSPGY.

5. Kondratyev, V. N. (1908). Sovremennyy Kitay = *Modern China*. Blagoveshchensk: Butryakov Bookstore, 43 p.

6. Krysin, L. P. (1996). Inoyazychnoe slovo v kontekste sovremennoy obshchestvennoy zhizni = The Foreign Word in the Context of Contemporary Social Life. *Russian at the End of the 20th Century (1985–1995)*, 142–161. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. EDN SIOENH.

7. Krysin, L. P. (1991). Ehtapy osvoeniya inoyazychnogo slova = Stages of Mastering a Foreign Word. *Russian Language at School*, 2, 74–78. EDN PZQSPF.

8. Lin, G., Solntseva, N. M. (2020). Khunkhuz v literaturnoy retseptsii = Honghuz in Literary Reception. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Criticism. Journalism*, 25(1), 82–90. DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-82-90. EDN GFAIMF.

9. Meryashkina, E. V. (2014). Obraz khunkhuza v proze pisateley dal'nevostochnogo zarubezh'ya = The Image of the Honghuz in the Prose of Writers of the Far Eastern Abroad. *Bulletin of Kemerovo State University*, 4-3(60), 175–180. EDN TELNQV.

10. Proshina, Z. G. (2021). Vostochnoaziatskie zaимstvovaniya v russkom yazyke: leksikograficheskiy aspekt = East Asian Borrowings in Russian: Lexicographical Aspect. *Russian Language in the Modern World: Present and Future. Collection of Articles (Ed. and compiler M. B. Rarenko)*, 109–124. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences. DOI 10.31249/ruslang/2021.00.07. EDN KSPXNC.

11. Sokovnin, M. A. (1903). Khunkhuzy Man'chzhurii =

Khunkhuzi of Manchuria. Military Collection, 12, 194–218. St. Petersburg.

12. Sukhacheva, G. A. (1992). «Bich strany». Khunkhuzy v Man'chzhurii i Primor'e v 20-e gg. XX v. = "The Scourge of the Country": Khunkhuzi in Manchuria and Primorye in the 1920s. *Russia and the Asia-Pacific Region*, 1, 92–102.

13. Sukhacheva, G. A. (2008). Bor'ba s khunkhuznichestvom v Man'chzhurii v kontse XIX — pervoy trety XX v = The Fight Against Khunkhuzism in Manchuria from the Late 19th to the

First Third of the 20th Century. *Russia and the Asia-Pacific Region*, 4, 104–112.

14. Shi, Xia. (2007). «Khunkhuzy» i «khunvehybiny»: istoriya dvukh kitaizmov v russkom yazyke = "Khunkhuzi" and "Hongweibings": *The History of Two Chinese Loanwords in the Russian Language. Modern Humanities Research: A Scientific Journal*, 5(18), 151–155.

15. Wu, Qiao (1990). *Kuan cheng Sui bi (Kuancheng Essays)* [M]. Reprint. Changchun: Jilin Provincial Library, 68 p.